

УДК 821.161.1 (Русская литература)

**ПУШКИН И БАЛЫ:
ЗВУК И ТЕМА В РОМАНЕ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»**

© 2024 В.И. Пимонов

*Пимонов Владимир Иванович, кандидат филологических наук,
профессор-эмерит*

E-mail: ivpet65@mail.ru

Институт кино и телевидения (ГИТР)

Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 22.08.2024

Объект исследования: авторское отступление о балах в первой главе романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Предмет исследования: звуковой сдвиг и анаграмматические построения. Цель: описание смысловой связи между темой и звукописью. Показано, что любовно-эротическая тема является лейтмотивной в авторском отступлении о балах и реализована прежде всего на лексическом уровне. Проанализированы приемы звукописи (сдвиг, аллитерация, анаграммы), использованные в отступлении. В тексте выявлен звуковой сдвиг, возникающий при восприятии отдельных строк на слух. Этот сдвиг (слияние звуков) создает фонетическую имитацию obscene глагола, усиливающего и оттеняющего любовно-эротическую тему отступления на профанном, карнавальном уровне. Под звуковым сдвигом подразумевается акустико-фонетическое явление, когда конец одного слова и начало следующего за ним или два стоящих рядом слова образуют как бы новое слово, изменяющее смысл фразы. Тот же obscene глагол завуалирован в анаграмматическом построении некоторых строк. Скопление в близлежащих словах звуков **б-л** в сочетании с переменной гласной образует фонетическое поле, в котором зарождается семантическое значение, сопряженное с любовно-эротической темой. Область применения: литературоведение, пушкинистика, преподавание русской литературы XIX в. Так, аллитерация на **б-л** высвечивает фонетику лейтмотивного слова «бал». Звуковые сдвиги и анаграммы в авторском отступлении о балах служат фонетическим аккомпанементом лейтмотивной темы.

Ключевые слова: Пушкин, «Евгений Онегин», звукопись, сдвиг, повтор, аллитерация, анаграмма, мотив, тема
DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-97-44-50
EDN: KCGYRI

Введение. В поэзии нередко встречается звуковой сдвиг – так в стиховедении называется акустико-фонетическое явление, «когда конец одного слова и начало следующего за ним или два стоящих рядом коротких слова образуют как бы новое слово, изменяющее смысл фразы» [9, с. 254]. При сдвиге образуется звуковая последовательность, где отдельные слова аukaются, сливаются и как бы переливаются друг в друга.

Самый знаменитый пример звукового сдвига – заглавие повести Ю. Тынянова «Подпоручик Кижe» [*подпоручики же*], основанной на историческом анекдоте о том, что «Павел (царь Павел I, – В.П.) приняв ошибку писаря: подпоручики же (киже) за имя собственное, произвел этого Кижe в продолжение одного года из подпоручиков в полковники» [16, с. 266]. В результате в тексте указа перед реальными фамилия-

ми оказался вписан никогда не существовавший подпоручик Кижe.

Сдвиг проявляется, когда в одном звуковом континууме можно распознать разные слова. Такое явление часто встречается в стихах А.С. Пушкина, например: «Со сна [*сосна*] садится в ванну со льдом» (*Евгений Онегин* – далее *ЕО*, 4, XLIV, 3), «Слыхали ль вы [*львы*] за рощей гласной» (*Певец*).

История вопроса. Звуковой сдвиг возникает при восприятии отдельной строки на слух. Считается, что «чтение глазом всего отрывка в целом не создает такого впечатления, и сами авторы не замечают возможного в их стихах фонетического, а значит, и смыслового изменения фразы» [9, с. 254-255].

Теоретик стиха и поэт-футурист Алексей Крученых впервые описал лексическую деформацию, возникающую в пушкинских стихах

при слиянии «звуков <...> или <...> двух слов слов <...> в одно звуковое пятно» [10, с. 5]. Так, в стихе: «**Узрю ли** русской Терпсихоры...» (ЕО, 1, XIX, 6) он услышал псевдослово в именительном падеже множественного числа: «Узрюли - глазща?!» [10, с. 5]. А в строке: «Все те же **ль вы?**» (ЕО, 1, XIX, 3) расслышал слово «**львы**» [10, с. 5]. В стихе: «**Тоска любви** Татьяну гонит» (ЕО, 3, XVI, 1) он обнаружил «**Таскалю**» [11, с. 10] – псевдослово, которое ассоциируется со словом «таскуха» («распутница», «развратница»). А в строке: «Была наука **страсти** нежной» (ЕО, 1, VIII, 9) неожиданно услышал «**кастрасти**» [11, с. 10].

Оксюморонное псевдослово «кастрасти», сочетающее в себе противоречащие друг другу понятия «кастрат» и «страсти», перекликается с мотивом плотских наслаждений, звучащим в словосочетании «страсти **нежной**». Чередование «неж-нег» образует в ЕО такие звукообразы, как «нега», «нежность», «гений», «огонь», которые сопровождают лейтмотивную любовно-эротическую тему. Эти звукообразы имплицитно вмонтированы в имя и фамилию главного героя: Евгений Онегин можно прочесть как «*гений неги*, то есть, науки, воспетой Овидием в *Artis Amatoriae*» [5, с. 164].

Как отмечает современный исследователь, «уже А. Крученых, перечисляя случайные сдвиги у классиков и своих современников, не только смеялся над подобными обмолвками, но и писал о том, что сдвиг может стать приемом» [7, с. 310]. По словам Крученых, А.С. Пушкин так «был чуток» к слиянию звуков, что «отдаленнейший намек на смешной сдвиг его отпугивал» [10, с. 10].

Но Е**СЛИ** Б не страда**ЛИ** нравы
Я Ба**Лы** Б до сих пор Лю**Би**Л.
(ЕО, 1, XXX, 3-4) [14, с. 197].

В результате звукового сдвига слова «Я балы б» прямо-таки торчат из строки. На месте «я» в начале слова и в безударной позиции (в стопе ямба первый слог безударный, второй - ударный) произносится [и] с призвуком [э], обозначаемый [и^э] в сочетании с предшествующим [й]. Как, например, в словах [йи^э]нтáрь, [йи^э]йцó, [йи^э]рлык, [йи^э]пония [15]. В свою очередь на месте «ы» в безударной позиции произносится нейтральный звук, обозначаемый символом [э̃]).

Таким образом, по правилам орфоэпии слова «Я балы б» произносятся как [йи^{э̃}бáлэп], что

Учитывая, какое важное значение А.С. Пушкин придавал работе над звуковым строением стиха, едва ли можно допустить, что он мог не замечать возникающих при чтении звуковых сдвигов, ведущих к смысловым изменениям. Слова поэта: «Нет ничего легче поставить “Равна грузинка красотою”, но **инкак**р ... а слово грузинка тут необходимо» [10, с. 10] скорее свидетельствуют о том, что возникающие в его стихах звуковые сдвиги были намеренным приемом.

Методы исследования. В данной работе использован подход, нацеленный на рассмотрение изучаемого текста во взаимосвязи его структуры и смысла. Вопрос о том, осознанно ли А.С. Пушкин создавал звуковые сдвиги или они появлялись у него «по недосмотру», переносит акцент с интересующего нас поэтического модуса и объективного структурно-семантического описания имеющегося текста в область свободных ассоциаций на тему о том, слышал ли великий поэт возникающие в его стихах слияния звуков или не слышал.

Результаты исследования. Проведенный анализ звуковых сдвигов и анаграмм в авторском отступлении о балах в первой главе ЕО показывает, что скопление и повторы в близлежащих словах звуков б-л (в сочетании с перемещенной гласной) образуют фонетическое поле, в котором зарождается семантическое значение, связанное с лейтмотивной любовно-эротической темой.

Verbum futuendi. Вслушаемся в двустипные из авторского отступления о балах в первой главе ЕО:

создает фонетическую имитацию *verbum futuendi* (от латинского *futuere* [2, с. 817] [6, с. 761]). Речь идет о русском глаголе [ц'bat], который «восходит праиндоевропейскому *jebh-*oibh/*ojebh- «совершать половой акт» и родственно санскритскому यभति (*yabhati*) древнегреческому οἴρω («вступать в любовную связь») с таким же значением, как в славянских языках» [17, с. 188] [1, с. 71].

Создается впечатление употребления этого глагола в сослагательном наклонении, что в смысловом отношении подкрепляется тем обстоятельством, что автор *этим* больше не за-

нимается: «Я это потому пишу, / Что уж давно я не грешу» (ЕО, 1, XXIX, 13-14) [курсив мой, - В.П.].

Фонетической подготовкой *verbum futuendi*, своего рода его звуковым предвестием в становятся слова из предыдущей строфы:

«Я был от балов» (ЕО, 1, XXIX, 2) [14, с. 197],

которые произносятся как [йи³бы³ладба³лэ³ф] и фонетически как бы анонсируют появление [йи³ба³лэ³п] в следующей строфе (ЕО, 1, XXX, 4) [14, с. 197].

Анаграмма. Неоднократно предлагались анаграмматические толкования стихов Пушкина [5, с. 163] [4, с. 184-185]. Замечено, что «у Пушкина приемы, основанные на анаграммах (параномазия, звукообразы, логограммы), встречаются чаще, чем у других поэтов XIX века» [5, с. 160].

Существует много определений понятия анаграммы, например: «перестановка букв в

слове (или в нескольких словах) в любом порядке, образующая новое слово» [8, с. 14], или «повторение звуков заданного слова в другом или других словах» [3, с. 30].

В более общем виде анаграмма представляет собой скрытое кодирование - способ организации текста, когда повторы звуков и слогов, букв и их комбинаций воспроизводят или имитируют ключевое в смысловом или тематическом отношении слово данного текста.

Такого рода анаграмма заключена в стихе:

«Но если б не страдали нравы» (ЕО, 1, XXX, 3) [14, с. 197].

Здесь перестановка повторяющихся звуков **е-л-и-б-е-л-и** образует ключевой *verbum futuendi* ([³jeblɪ]), который фонетически воспроизводится в следующей строке «Я балы б» [йи³ба³лэ³п].

Исследователь анаграмм у Пушкина задает вопрос: «намеренно или стихийно возникают они в сознании поэта?» [5, с. 167]. Известно, что «сам Пушкин, говоря о звукописи, всецело подчинял ее содержанию, будучи убежден, что “волшебные звуки” призваны прежде всего подкрепить логические связи,

музыкально подчеркнуть или оттенить мысль, идею, содержание» [4, с. 178].

В этой связи логично предположить, что *verbum futuendi*, имитация которого возникает в результате звукового сдвига и в анаграмме разобранных выше строк - не случайность, а подчеркивает и оттеняет содержание и главную тему авторского отступления о балах.

Аллитерация. Прочитаем отступление полностью (для наглядности звукового повтора буквы **б** и **л** набраны заглавными и выделены жирным. Курсивом выделены слова, реализующие тему):

Во дни весе**Л**ий и же**Л**аний
Я **Б**ыл от **Б**алов **Б**ез ума:
Верней нет места для **п**ризнаний
И для **в**ручения **п**исьма.
О вы, почтенные **с**упруги!
Вам пред**Л**ожу свои ус**Л**уги;
Прошу мою заметить **р**ечь:
Я вас хочу предостере**ч**ь.
Вы также, маменьки, **п**остроже
За дочер**ь**ми смотрите вс**Л**ед:
Держите прямо свой **Л**орнет!
Не то... не то, избави **Б**оже!
Я это потому пишу,
Что уж давно я не грешу.
(ЕО, 1, XXIX)

Увы, на разные за**Б**авы.

Я много жизни погуБил!
Но есЛи Б не страдали нравы,
Я БаЛы Б до сих пор ЛюБил.
ЛюБЛю я Бешеную мЛадость,
И тесноту, и БЛеск, и радость,
И дам оБдуманный наряд;
ЛюБЛю их ножки; тоЛько вряд
Найдете вы в России цеЛой
Три пары стройных женских ног.
Ах! долГо я заБыть не мог
Две ножки... Грустный, охЛадеЛый,
Я всё их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.
(ЕО, 1, XXX) [14, с. 197].

Даже невооруженным глазом и на слух можно заметить продергивание через текст согласных **б-л** с их скоплением во 2-й строке строфы ХХІХ и во 2-5-й строках строфы ХХХ. Фонетическая оркестровка образует, с одной стороны, переключку между **БыЛ - Бал - ЛиБ - Бал - ЛыБ - ЛюБ - БиЛ**, а с другой, - паронوماзию, где сближаются схожие по звучанию слова (**БЫЛ-БАЛ-БИЛ**) при частичном совпадении их морфемного состава. Аллитерация на **б-л** высвечивает фонетику лейтмотивного слова «бал».

Тема. Бал как элемент дворянского быта связан с темой взаимоотношений между полами и близости между мужчиной и женщиной: «Внутренняя организация бала делалась задачей исключительной культурной важности, так как была призвана дать формы общению «кавалеров» и «дам», определить тип социального поведения внутри дворянской культуры <...> «он имел свою прелесть — оживленность свободы и непринужденность беседы между мужчиной и женщиной, которые оказывались одновременно и в центре шумного праздника, и в невозможной в других обстоятельствах близости («Верней нет места. для признаний...» — I, ХХІХ, 3) [12, с. 79, 80].

В центре отступления о балах – образ автора, который недвусмысленно предупреждает «почтенных супругов», что может наставить им рога, предлагая «свои услуги». Очевидно, что речь идет о непристойном предложении услуг любовника для жен.

Совет автора «маменькам» «держать прямо свой лорнет» сочетается с предостережением о чем-то, что обозначено многоточием («Не то ..., не то, избави Боже»). Многоточие заменяет слово, которое, вероятно, нельзя произнести вслух и напечатать из соображений приличия или цензуры.

О каких *забавах* идет речь? Совершенно ясно, что о любовных. В круг значений слова «забава» входят: «девушка», «возлюбленная», а один из его синонимов – «азноба», имеет значения «страсть», «любовное влечение».

Содержание отступления, своего рода его ДНК, выражено в словах, которые объединены смысловыми, ассоциативными и логическими связями с балом и, соответственно, с отношениями между мужчиной и женщиной: *веселий и желаний, без ума, признаний, вручение письма, супруги, услуги, маменьки, построже, дочерьми, не грешу, забавы, нравы, любил, люблю, младость, блеск, наряд, ножки, женских ног, сердце, тревожат*.

Эти слова реализуют лейтмотивную любовно-эротическую тему на лексическом уровне. В свою очередь сдвиг и аллитерация на **б-л** оттеняют и подчеркивают эту тему на профанном, телесно-низовом, карнавальном уровне.

Предмет любви. Едва познакомившись с сестрами Лариными, Онегин находит, что его друг совершил ошибку в выборе предмета любви:

«Неужто ты влюблен в меньшую?»
- А что? - «Я выбрал бы другую,
Когда **б я был**, как ты, поэт.<...>»
(ЕО, 3, V, 5-7) [14, с. 225],

Здесь присутствует анаграмма: перестановка повторяющихся букв **е, л, б, л, е** создает звуковую ассоциацию с *verbum futuendi*. А словосочетания «Я выбрал бы» и «Когда б я был» при слиянии звуков произносятся, соответственно, как [йи³выбрэлбэ] и [кэгдáпий³был], образуя неполную анаграмму того же глагола.

И бал блестит во всей красе.
(ЕО, 5, XXXVII, 14) [14, с. 274].

Здесь первые три слога произносятся как [ьбáл блэ], что кроме имитации *verbum futuendi*, создает еще одну, дополнительную ассоциацию со словом «бл..дь», обозначающим «развратную, распутную женщину».

С корабля на бал. Многократно употребленное в романе лейтмотивное слово *бал*, cementирующее связь двух ключевых звуков **б-л**, сопряжен с любовно-эротической темой на протяжении всего текста.

В самом начале романа слово *бал* встречается в прямом значении, как элемент дворянского быта («давал три бала ежегодно» – ЕО, 1, III).

Затем, при нарастании повторов **б-л**, оно наполняется эротическим подтекстом со скабрёзной аллюзией ([йи³бáлэп] «Я балы б»; [йи³быладбáлэф] – «Я был от балов»; [ьбáлблэ] – «И бал блестит»).

Аллитерация на **б-л** образует переключку между двумя звукокомплексами: [ьбáлблэ] («И бал блестит ...» – ЕО, 5, XXXVII, 14) и [бл'áнэбáл] («Как Чацкий, с корабля на бал» – ЕО, 8, XIII, 14).

В восьмой главе слово *бал* обретает двойной смысл: с одной стороны, переносный – как

Как видим, любовно-эротическая подоплека звукописи, построенной на скоплении и повторе **б-л**, возникает и в разговоре Ленского и Онегина, что свидетельствует о системности приема.

Отметим также переключку вышеприведенных звуковых комплексов, построенных на повторе **б-л**, со стихом в пятой главе:

«смену положения» («с корабля на бал»), а с другой стороны, – прямой: Онегин в буквальном смысле попадает на бал, где вновь встречается уже замужнюю Татьяну. Сцена бала в восьмой главе, как и в авторском отступлении в первой, окрашена любовным мотивом.

Выводы. Существует мнение, что звуковые сдвиги у А.С. Пушкина возникали стихийно, и что сам поэт мог их не слышать. У нас нет возможности проникнуть в тайны мышления А.С. Пушкина, но вряд ли можно отказать создателю современного русского языка в наличии поэтического слуха. По собственным словам поэта в письме к П.Я. Вяземскому, приведенным выше, он услышал сдвиг даже в невинной, на первый взгляд, строке «Равна, Грузинка, красотой». Его смутило возможное слияние звуков *инкакр*, вероятно из-за того, что оно способно вызвать ассоциацию с неприемлемым для общественного слуха словом.

Разобранные нами звуковые сдвиги и анаграммы в авторском отступлении о балах едва ли случайны, поскольку служат фонетическим аккомпанементом основной темы.

1. Ахметова, Т. В. Русский мат. Толковый словарь. – М.: Колокол-Пресс, 1997. – 576 с.
2. Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Книга вторая. – Тбилиси: Изд. Тбилисского университета, 1984. – 1329 с.
3. Гаспаров, М. Л. Анаграмма // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
4. Гербстман, А. Звукопись Пушкина // Вопросы литературы. – 1964. – №5. – С. 178-192.
5. Давыдов, С. Звуковое хозяйство Пушкина // Stanford Slavic Studies. – Volume 35. Russian Literature and the West. – Part I. A Tribute to David M. Bethea. – Stanford, 2008. – С. 157-176. – 349 с.
6. Жолковский, А. К. Секс в рамках («Нам татарам, все равно...») // Сборник Матице српске за славистику. – No. 100. – Нови Сад, 2021. – 942 с. – С. 761-780.
7. Зубова, Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. – М.: НЛО, 2000. – 431 с.
8. Иванов, Л. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
9. Квятковский, А. П. Сдвиг // Поэтический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 377 с.
10. Крученых, А. Сдвигология русского стиха. – Москва, 1922. – 48 с.
11. Крученых, А. Е. 500 новых острот и каламбуров Пушкина. – М.: Изд. автора (Тип. ЦИТ), 1924. – 71 с.
12. Лотман, Ю. М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.

13. Пузырев, А. В. Анаграммы как явление языка. Опыт системного осмысления. – Москва – Пенза: Институт языкознания РАН, 1995. – 379 с.
14. Пушкин, А. С. Евгений Онегин // А.С. Пушкин. Сочинения в трех томах. Том второй. – М.: Художественная литература (Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР), 1986. – 528 с.
15. Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – М.: ЧеРо, 1999. – 400 с. // Электронный ресурс: Основные правила русского литературного произношения <https://orfogrammka.ru/OGLO2/70091310.html>
16. Сухогин, С. М. Из памятных тетрадей. Русский архив. – Книга 1. – № 2. – М.: Университетская типография, 1894. – 908 с.
17. Трубачев, О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (ЭССЯ). Выпуск 8. Под редакцией член-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1981. – 253 с.

PUSHKIN AND BALLS: SOUND AND THEME IN THE NOVEL IN VERSE “EUGENE ONEGIN”

© 2024 V.I. Pimonov

Vladimir I. Pimonov, Ph.D in Philology, Professor Emeritus

E-mail: ivpet65@mail.ru

GITR Film & Television School

Moscow, Russia

Object of the essay: the author's digression about balls (dance events) in the first chapter of the novel in verse by A.S. Pushkin "Eugene Onegin" (EO, 1, XXIX-XXX). Subject of the essay: sound patterning (phonetic shift, alliteration and anagrams). Purpose of research: to uncover the semantic connection between the theme and sound patterning. Results: The essay demonstrates that the love-erotic theme is the leitmotif in the author's digression about balls and is realized primarily at the lexical level. The sound patterning techniques (shift, alliteration, anagram) used in the digression are analyzed. A sound shift is revealed in the text, which occurs when individual lines are perceived by ear. This shift (fusion of sounds) creates a phonetic imitation of an obscene verb, which enhances and underscores the love-erotic theme of the digression at a profane, carnivalesque level. Sound shift is an acoustic-phonetic phenomenon when the ending of one word and the beginning of the next or two words standing next to each other form a new word that changes the meaning of the phrase. The same obscene verb is camouflaged in the anagrammatic construction of some lines. The clustering and repetition of the sounds б-л (b-l) in adjacent words creates a phonetic field in which a semantic meaning, associated with the leitmotif theme, emerges. Application: literary criticism, Pushkin studies, teaching Russian literature of the 19th century. Conclusions: Alliteration on б-л (b-l) highlights the phonetics of the leitmotif word "бал" (ball). Sound shifts and anagrams in the author's digression about balls serve as a phonetic accompaniment to the leitmotif love-erotic theme.

Key words: Pushkin, Eugene Onegin, sound painting, shift, repetition, alliteration, anagram, motif, theme

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-97-44-50

EDN: KCGYRI

1. Ahmetova, T. V. Russkij mat. Tolkovjy slovar' (Russian swear words. Explanatory dictionary). – М.: Kolokol-Press, 1997. – 576 s.
2. Gamkrelidze, T. V., Ivanov, Vjach. Vs. Indoevropskij jazyk i indoevropjcy (Indo-European Language and Indo-Europeans). Kniga vtoraja (Book two). – Tbilisi: Izd. Tbilisskogo universiteta, 1984. – 1329 s.
3. Gasparov, M. L. Anagramma (Anagram) // Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij (Literary Encyclopedia of Terms and Concepts). – М.: NPK «Intelvak», 2001. – 1600 stb.
4. Gerbstman, A. Zvukopis' Pushkina (Pushkin's Sound Patterning) // Voprosy literatury (Problems of Literature). – 1964. – №5. – S. 178-192.
5. Davydov, S. Zvukovoe hozjajstvo Pushkina (Pushkin's Sound World) // Stanford Slavic Studies. – Volume 35. Russian Literature and the West. – Part I. A Tribute to David M. Bethea. – Stanford, 2008. – S. 157-176. – 349 s.
6. Zholkovskij, A. K. Seks v ramkah («Nam tataram, vse ravno...») (Sex Framed ("For us, Tartars, it's all the same ...")) // Zbornik Matice srpske za slavistiku. – № 100. – Novi Sad, 2021. – 942 s. – C. 761-780.
7. Zubova, L. V. Sovremennaja russkaja poezija v kontekste istorii jazyka (Contemporary Russian Poetry in the Context of the History of the Language). – М.: NLO, 2000. – 431 s.
8. Ivanov, L. Slovar' literaturovedcheskih terminov (Dictionary of Literary Terms). – М.: Prosveshhenie, 1974. – 509 s.
9. Kvjatkovskij, A. P. Sdvig (The Shift) // Pojeticheskij slovar' (The Poetic Dictionary). – М.: Sovetskaja jenciklopedija, 1966. – 377 s.

10. Kruchenyh, A. Sdviogologija russkogo stiha (Shiftology of Russian Verse). – Moskva, 1922. – 48 s.
11. Kruchenyh, A. E. 500 novyh ostrot i kalamburov Pushkina (500 new witticisms and puns by Pushkin). – M.: Izd. avtora (Tip. CIT), 1924. – 71 s.
12. Lotman, Ju. M. Roman A.S. Pushkina «Evgenij Onegin». Kommentarij (Pushkin's Novel "Eugene Onegin". Commentary). – L.: Prosveshhenie, 1983. – 416 s.
13. Puzyrev, A. V. Anagrammy kak javlenie jazyka. Opyt sistemnogo osmyslenija (Anagrams as a Phenomenon of Language. Experience of Systemic Understanding). – Moskva – Penza: Institut jazykoznanija RAN, 1995. – 379 s.
14. Pushkin, A. S. Evgenij Onegin (Eugene Onegin) // A.S. Pushkin. Sochinenija v treh tomah. Tom vtoroj (A.S. Pushkin. Works in Three Volumes. Volume Two). – M.: Hudozhestvennaja literatura (Institut mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo AN SSSR), 1986. – 528 s.
15. Rozental' D. Je., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. Spravochnik po pravopisaniju, proiznosheniju, literaturnomu redaktirovaniju (Handbook of Spelling, Pronunciation, Literary editing). – M.: CheRo, 1999. – 400 s. // Jelektronnyj resurs: Osnovnye pravila russkogo literaturnogo proiznoshenija <https://orfogrammka.ru/OGLE2/70091310.html>
16. Suhotin, S. M. Iz pamjatnyh tetradej. Russkij arhiv (From the Memorial Notebooks. Russian Archive). – Kniga 1 (Book 1). – № 2. – M.: Universitetskaja tipografija, 1894. – 908 s.
17. Trubachev, O. N. Jetimologičeskij slovar' slavjanskih jazykov. Praslavjanskij leksičeskij fond (JeSSJa) (Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund). Vypusk 8. Pod redakciej člen-korrespondenta AN SSSR O.N. Trubacheva. – M.: Nauka, 1981. – 253 s.